

«Москва мускулистая»: одиночество отдельно взятого центра силы

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

Директор Московского Центра Карнеги

РЕЗЮМЕ

- Наблюдающееся движение России в сторону от западных стран, рассматриваемых ею как несостоявшиеся партнеры, может иметь опасные последствия для внутренней ситуации в стране и для международных отношений.
- Предоставление Украине ПДЧ НАТО перевело бы российско-западные отношения из фазы позиционного дипломатического противостояния в фазу активного политического противоборства с неизбежным выходом на непосредственный конфликт.
- Инициированная и проигранная Грузией война на Кавказе стала одновременно и крахом политики Москвы по консервации «замороженных конфликтов» на территории СНГ в качестве непреодолимых преград на пути в НАТО.
- Газовый российско-украинский конфликт привел к тому, что энергобезопасность стала восприниматься Европой как безопасность от перекрытия «трубы» из России.
- Сдерживание России извне и вмешательство в российские внутренние дела — политика негодная и опасная. Но пока Россия не станет современным государством, ее политическая система не будет рассматриваться как легитимная и с легитимными же интересами во внешнем мире.
- Отдавая приоритет задаче модернизации страны, Россия должна будет идти по пути сближения с Европой, Северной Америкой, в целом с экономически и политически развитым миром.
- Помимо идеи национальных интересов России полезно задуматься, что она готова принести остальному миру. За что принять на себя ответственность? На каких направлениях она способна выполнять роль мирового и регионального лидера.

Начиная с 2000 г. внешняя политика Российской Федерации прошла ряд этапов. До 2003 г. определяющим был курс на сближение с Западом под флагом «европейского выбора» и с заявкой на союзнические отношения с США. Затем вплоть до 2007 г. Москва проводила политику неприсоединения: подчеркнутая независимость от Запада

сочеталась с нежеланием конфронтировать с ним. В знаменитой мюнхенской речи Владимир Путин фактически сформулировал условия, на которых он рассчитывал принудить Америку и Европу к партнерству с Россией: принимайте нас такими, какие мы есть, ведите себя с нами как с равными, сотрудничайте с нами на основе взаимных

Дмитрий Витальевич

Тренин — директор, председатель научного совета Московского Центра Карнеги, руководитель программы «Внешняя политика и безопасность».

интересов. «Принуждение к партнерству» не состоялось. В 2008 и начале 2009 г. стало очевидно, что Россия все больше движется в сторону изоляции от несостоявшихся партнеров. Если такое движение станет определяющим, это будет иметь серьезные и небезопасные последствия для внутренней ситуации в стране и для международных отношений.

Год назад российское руководство ощущало себя хозяином положения. Оно сумело переформатировать конструкцию политического режима при полном сохранении его сути. Рост экономики, взлет рынков, приток инвестиций позволяли Кремлю выдвигать амбициозные стратегии на полтора десятилетия вперед. В условиях уже начинавшегося мирового кризиса Россия виделась островом стабильности, а рубль — резервной валютой на огромном пространстве между зоной евро и царством юаня. Это пространство — страны СНГ — должно было стать сферой притяжения России, областью ее привилегированных интересов и зоной ее преобладания — политического, экономического, военного и культурного. Восстановление «естественных», исторических позиций России как доминирующей державы в центре Евразии, уже давно выступавшее в качестве «боковой» альтернативы западной интеграции, стало с 2008 г. главным содержанием внешней политики Кремля. Раньше этому мешали «иллюзии» в отношении Запада и недостаток ресурсов. Теперь первые исчезли, а вторые появились.

Кремль четко определил своих противников в реализации сформулированного еще в 2003 г. «проекта СНГ». Главным противником он определил те

круги в США и, шире, на Западе, которые продвигали расширение НАТО на территорию постсоветских государств и/или поддерживали там «цветные революции». В роли «ближнего» противника выступили антироссийски настроенные правительства соседних стран — Грузии и Украины, а также их союзники из государств Балтии и Польши. Важнейшей задачей на 2008 г. стал срыв предоставления Киеву и Тбилиси Плана действий на пути к членству в НАТО (ПДЧ). Ставки были исключительно высоки. Принятие ПДЧ сделало бы процесс присоединения бывших республик СССР к Атлантическому альянсу необратимым и перевело бы российско-западные отношения из фазы позиционного дипломатического противостояния в фазу активного политического и «специального» противоборства с практически неизбежным выходом на открытый и непосредственный конфликт.

Новой «холодной войны» в Кремле не желали, но отступать хотели еще меньше. Не располагая возможностью прямого влияния на решения Альянса, Москва на деле зависела от готовности и способности ведущих европейских членов НАТО блокировать усилия Вашингтона по предоставлению ПДЧ. Для того чтобы призывы Берлина и Парижа к союзникам по НАТО проявлять осторожность имели больший эффект, Москва недвусмысленно указывала на реальную опасность внутренней смуты на Украине и перспективу «размораживания» этнических конфликтов в Грузии. В апреле 2008 г. президент Путин пошел на беспрецедентный шаг — съездил на бухарестский саммит НАТО, чтобы лично предостеречь западных лидеров от принятия

в свои ряды «нестабильной Украины» и «воюющей Грузии».

Двойственное решение бухарестской встречи (ПДЧ пока не предоставлять, но эвентуальное вхождение Украины и Грузии в НАТО одобрить) привело не к разрядке, а к дальнейшему обострению ситуации вокруг обеих стран. В Грузии Михаил Саакашвили попытался силой решить в свою пользу осетинский конфликт и тем самым устранить формальное препятствие на пути к ПДЧ. В Киеве Виктор Ющенко начал подготовку к переизбранию на второй срок под лозунгами защиты независимости Украины от посягательств Москвы. Москва, со своей стороны, перешла к решительным встречным шагам.

О безрассудстве и авантюризме действий Саакашвили сказано достаточно, в том числе и автором этих строк. Россия была вынуждена нанести ответный удар. Важно, однако, и другое — война на Кавказе стала крахом многолетней политики Москвы, пытавшейся использовать «замороженные конфликты» как непреодолимые барьеры на пути вступления Грузии в НАТО. Возможность того, что эти конфликты будут неожиданно «разморожены» другими (а именно так и получилось), недооценивалась. Таким образом, на политическом уровне российское миротворчество провалилось, и Москве пришлось братья за оружие. По факту получилось, что государство, претендующее на роль великой державы, оказалось не способно политическими средствами обеспечить безопасность непосредственно на своих границах. Сохранение на протяжении полутора десятилетий тлеющих очагов напряженности на Кавказе и на Днестре свидетельствует о триумфе тактики рос-

сийской внешней политики за счет ее стратегии.

На обвинения в некомпетентности Кремль может ответить контраргументом: никакое урегулирование было невозможно — ведь за Грузией стояли Соединенные Штаты. Министр иностранных дел Сергей Лавров прямо заявил, что некие внешние силы руками Саакашвили «решились проверить на прочность российскую власть и наших миротворцев» и даже «заставить нас встать на путь милитаризации и свернуть модернизацию»¹. О роли США в развязывании Грузией войны на Кавказе — отдельный разговор. Администрация Буша очевидно несет ответственность за то, что не предотвратила нападение Тбилиси на Цхинвал,

«Принуждение Запада к партнерству» не состоялось. В 2008 и начале 2009 года стало очевидно, что Россия все больше движется в сторону изоляции от несостоявшихся партнеров. Если такое движение станет определяющим, это будет иметь серьезные и небезопасные последствия для внутренней ситуации в стране и для международных отношений.

за двусмысленные, по-видимому, сигналы, посылавшиеся президенту Саакашвили, за то, что республиканцы «вложились» в «Мишу» как в свой «социальный проект», и т. д. Не менее очевидно, однако, что предположения относительно того, что Вашингтон стремится стимулировать милитаризацию России, чтобы тем самым заблокировать российскую модернизацию, — из области фантастики или клиники. Этот тезис, впрочем, не нов. То, что он выдвигается уже не комментаторами, а «делателями политики», может свидетельствовать, что российское

руководство ему верит. В таком случае придется констатировать неадекватное восприятие внешнего мира. В этом же ряду стоят сравнения ночного обстрела

созвучность веяниям времени процесса формирования национальных государств на развалинах Советского Союза. Покритиковав «модерн» нацистроительства с позиций «постмодерна», Сергей Лавров⁵ предложил в качестве альтернативы интеграцию «второй Европы» вокруг России. Дело, однако, в том, что в отличие от «первой Европы» (ЕС) у потенциальной второй (СНГ) имеется естественный гегемон, поэтому интеграция здесь укладывается в парадигму восстановления российского центра силы.

Непопулярность этой парадигмы практически у всех партнеров России в странах СНГ ставит серьезные ограничения на пути «восточной» интеграции. Российские заклинания о цивилизационном единстве и общности исторической судьбы соседи воспринимают с осторожностью. По принципиальному для Москвы вопросу признания независимости Южной Осетии и Абхазии Россию не поддержал ни один из ее формальных союзников по Договору о коллективной безопасности или партнер по интеграции в рамках ЕврАзЭС. Фундаментальная причина одна: каждый союзник увидел в этом вопросе тест на независимость, и никто не захотел выглядеть сателлитом Москвы. Пытаясь выйти из неловкого положения, Кремль заявил, что он никому не выкручивал руки⁶. На деле это означало вынужденное признание: никто из союзников и партнеров России добровольно не был готов поддержать ее действия. Отказ Москвы от соблюдения принципа территориальной целостности постсоветских государств создает опасный для ее соседей прецедент, а готовность с оружием в руках защищать права

Очевидно, что предположения, что Вашингтон стремится стимулировать милитаризацию России, чтобы тем самым заблокировать российскую модернизацию, — из области фантастики или клиники. То, что этот тезис выдвигается уже не комментаторами, а «делателями политики», может свидетельствовать, что российское руководство ему верит.

Цхинвала с терактами 11 сентября 2001 г., сентенции о «резком пробуждении к действительности»², «конце последних иллюзий»³, а также о «нынешней ясности», которая «лучше любой неопределенности и двусмысленности»⁴. Где здесь риторика, а где убеждение — не праздный вопрос.

После войны с Грузией российское руководство сделало ряд принципиальных заявлений по вопросам отношений с бывшими советскими республиками. Президент Дмитрий Медведев в терминах, близких к тем, что употреблял за 180 лет до него президент США Джеймс Монро, сформулировал доктрину привилегированных российских интересов в странах СНГ. Повторяя другую старую американскую максиму, Медведев выдвинул также тезис о защите Россией ее граждан за рубежом. Это понял бы другой президент США — Закари Тейлор, среди заслуг которого присоединение Республики Техас, вначале заселенной американскими гражданами, а затем отвоєванной Соединенными Штатами у Мексики. Министр иностранных дел России вообще подверг сомнению

российских граждан, которых много и в Приднестровье, и в Крыму, и в других регионах бывшего СССР, усиливает впечатление.

Грузинский случай — крайний. Саакашвили — не только авторитарный правитель, но и ловкий демагог. В бушевско-чейниевском Белом доме в свое время бездумно предпочитали иметь дело с ним, не утруждая себя выяснением мнений грузинской оппозиции — кстати, в массе своей не менее антироссийской, чем сам Саакашвили. Москве, однако, нужно иметь в виду, что вся разрозненная грузинская политическая элита, большинство разноголосого грузинского общества сходятся в резко негативной оценке политики России по отношению к Грузии. Итоги референдума по вопросу о членстве Грузии в НАТО и выход страны из СНГ показательны именно как вотум недоверия Москве. Заявления официальной Москвы о «глубоком уважении к грузинскому народу»⁷ повисают в воздухе. Грузия, вероятно, навсегда утратила Абхазию и Южную Осетию, но и Россия, со своей стороны, надолго потеряла Грузию — вне зависимости от персонального состава ее руководства — как дружественную страну. В «попсе добрососедства», который когда-то собирались выстроить в СНГ творцы российской внешней политики, будет отсутствовать по крайней мере одно звено.

И, возможно, не единственное. Минувшим летом, слава богу, удалось избежать развития российско-украинских отношений по худшему варианту. Стоило украинским Военно-морским силам во исполнение указа своего президента — верховного главнокоман-

дующего начать досматривать корабли Черноморского флота, отправлявшиеся из Севастополя в Сухум (на помощь Абхазии и для наблюдения за ВМС США) или возвращавшиеся обратно на базу, и вооруженный инцидент был бы гарантирован — со всеми мыслимыми последствиями для Севастополя, Крыма, российско-украинских отношений и мира в Европе. Если Михаил Саакашвили своими действиями подорвал хрупкий мир на Кавказе, то указ Ющенко ставил на карту безопасность всего континента.

С тех пор от пропасти удалось отойти, но фундаментального улучшения отношений между Киевом и Москвой не произошло. Президент Украины видит в России (Российской Федерации — СССР — Российской империи) исторического гегемона, угнетателя и ассимилятора. Залог независимости для него и его сторонников — присоединение к Западу: вначале через НАТО, что легче, затем — через Евросоюз. С этим согласны 20% населения, больше половины против (хотя в Европу, но без разрыва с Россией). Таким образом, попытка навязать Украине жесткий выбор

Отказ Москвы от соблюдения принципа территориальной целостности постсоветских государств создает опасный для ее соседей прецедент, а готовность с оружием в руках защищать права российских граждан, которых много и в Приднестровье, и в Крыму, и в других регионах бывшего СССР, усиливает впечатление.

чревата потрясениями прежде всего внутри самой Украины. Тот, кто искренне желает Украине оставаться единой и неделимой, не может в таких условиях поддерживать ее вступление в НАТО.

Единственной силой, способной сформировать пророссийское большинство в соседнем родственном обществе,

Европейцам, которым было некогда, неинтересно и просто невозможно (из-за закрытости условий контрактов) разбираться в том, кто прав в споре «Газпрома» с «Нафтогазом», стало предельно ясно: энергобезопасность Европы — это безопасность от реального перекрытия «трубы» из России. Это влечет долговременное изменение политики ЕС.

является сама Москва. Ее политика, хотя и стала изощреннее после фиаско 2004 г., когда Москва расценила «оранжевое» «восстание масс» не более как операцию спецслужб США, продолжает фактически работать на взаимное отчуждение двух близких народов. Российские деятели высшего ранга позволяют себе публично высказывать пренебрежение к соседу в выражениях, которые сама Москва сочла бы в высшей степени оскорбительными, если бы они были адресованы ей. Не стоит обманываться, считая, что политические противники Виктора Ющенко будут с удовольствием аплодировать его иностранным поносителям. Для них это может прозвучать как оскорбление украинского государства.

Проблема в том, что многие в Москве считают Украину не иностранным государством, а частью исторического «тела России». Более того, выражаются сомнения относительно устойчивости самой украинской государственности. В итоге получается: Украина — и не за граница, и не полноценное государство. Тогда что же? И что позволено в этой ситуации, а что нет? Российские политики открыв-

ленно националистической ориентации усердно разогревают, казалось бы, остывший крымский сепаратизм. Российские государственные деятели тем временем вслух высказывают «мысли о неммыслимом»: о возможном нацеливании российских ракет на Украину — в случае, если она допустит размещение на своей территории американских баз. Таким образом, средство (отвернуть Украину от НАТО) незаметно переходит в цель — привязать Украину к России. Характерен при этом парадокс: обладая огромным потенциалом «мягкой силы», Москва неизменно предпочитает грубую. Вместо love — tough love. Но, как известно, насильно мил не будешь. Если большинство украинцев в ответ станут воспринимать независимость своей страны исключительно как независимость от России, цифры опросов по НАТО могут «двинуться» — в неблагоприятном для Москвы направлении.

Холодная газовая война в январе 2009 г. стала новым важным рубежом в эволюции российской внешней политики. Конфликт спровоцировала украинская сторона — вначале своей неспособностью урегулировать отношения с «Газпромом», затем — полнейшей безответственностью в качестве транзитера российского газа в Европу. Однако то, что поначалу воспринималось как досадное дежавю, преимущественно коммерческий спор с имманентной коррупционной составляющей и неизбежными политическими оборотами (причем на этот раз в условиях, менее благоприятных для Киева, чем в 2006 г.), превратилось в выяснение российско-украинских отношений за счет замерзавшей без газа Европы. Такое забудется нескоро.

Реально при этом речь шла, по-видимому, о неудавшейся попытке использовать газовый фактор для усиления позиций премьер-министра Украины «прагматика» Юлии Тимошенко за счет прозападного президента Ющенко. Очевидно, что манипулирование газовыми ценами и — через них — раскладом политических сил на Украине является едва ли не наиболее эффективным инструментом в руках Кремля. Коррупционность украинских политиков является с этой точки зрения не столько проблемой, сколько решением проблем. На сей раз, однако, Ющенко скорее всего сумел в последний момент расстроить комбинацию своей соперницы и премьер-министра Путина и поднял ставки настолько высоко, что серьезно осложнил отношения России с Евросоюзом.

В результате произошло то, чем «русоскептики» по обе стороны Атлантики всегда пугали «наивных европейцев», слепо полагавшихся (по мнению этих скептиков) на «Газпром»: в разгар зимних холодов газ из России перестал поступать. Европейцам, которым было некогда, неинтересно и просто невозможно (из-за закрытости условий контрактов) разбираться в том, кто прав в споре «Газпрома» с «Нафтогазом», стало предельно ясно: энергобезопасность Европы — это безопасность от реального перекрытия «трубы» из России. Это влечет долговременное изменение политики ЕС — от выработки единой энергетической политики и единой позиции на переговорах с Москвой до более активного поиска альтернативных источников энергии включая сжиженный газ и строительства новых газопроводов, не идущих по территории России, Украины и Белоруссии. Будучи

формально права, но неуклюже маневрируя, Москва свалилась именно в тупую, в которую всегда боялась попасть. Ее раздраженные обещания переключить потоки газа с Европы на Азию лишь укрепляют европейцев в мнении о необходимости и настоятельности коренного пересмотра долгосрочной энергетической политики.

Так российско-европейский энергодиалог принял форму чрезвычайной челночной дипломатии чешского премьера между Киевом и Москвой. Европа, возможно, уже не считает Украину, как три года назад, «несчастной жертвой российского диктата», но ответственность за ситуацию возлагает на Россию: у нее все-таки контракт с «Газпромом», а не с «Нафтогазом». Тем временем переговорный процесс о новом соглашении Россия-ЕС, формально возобновившийся после перерыва, вызванного войной на Кавказе, остается в глухом тупике. Двадцать лет спустя после падения Берлинской

Надежда Запада на то, что Европу можно организовать вокруг пары НАТО-ЕС, которые естественно «притянут» к себе страны и регионы, тяготеющие к альянсу и союзу, а для России достаточно будет формальных партнерств с обоими институтами, оказалась уязвимой в своем последнем предположении. Политика «вовлечения» России дала сбой.

стены центральной проблемой отношений Россия-Запад вновь стала безопасность.

Действительно, приходится признать: созданная в 1990-е годы европейская архитектура безопасности оказалась несостоятельной. Надежда Запада на то, что Европу можно организовать

вокруг пары НАТО-ЕС, которые естественно «притянут» к себе страны и регионы, тяготеющие к Атлантическому альянсу и Европейскому союзу, а для России достаточно будет формальных партнерств с обоими институтами, оказалась уязвимой в своем последнем предположении. Политика «вовлечения» России дала сбой, забуксовала, а затем окончательно заглохла.

До тех пор пока Россия не станет современным государством, ее политическая система не будет рассматриваться как совершенно легитимная и с легитимными же интересами во внешнем мире.

В Мюнхене Путин не оставил в этом никаких сомнений. У Москвы накопилось несколько вопросов к США и их союзникам: что делать с расширением НАТО на страны СНГ, с проблемой европейской ПРО, с Договором об обычных вооруженных силах в Европе. Игнорировать любую из перечисленных проблем значит играть в русскую рулетку.

Другое дело — как поступить. Анализ обнародованных в 2008 г. российских идей создает впечатление, что Москва, предлагая заключить договор о европейской безопасности (ДЕБ или «Хельсинки-2»), стремится к восстановлению — в сильно облегченном варианте — ситуации последнего периода «холодной войны». У «нового Запада» (НАТО плюс ЕС) и «нового Востока» (ОДКБ) в соответствии с этим видением будет юридически обязывающий договор, фиксирующий их национальные границы и коллективные зоны ответственности; дальнейшее расширение НАТО на восток будет юридически незаконно; ряд стран между блоками (Украина, Молдавия,

Грузия, Азербайджан) будут объявлены нейтральными — наряду с Финляндией и Швецией, которые сохранят и подтвердят этот статус; приглашения по американской ПРО в Европе (Польша и Чехия) будут аннулированы и заменены совместным российско-американским или российско-американо-европейским соглашениям и т. д. Главное же — у Европы опять появятся признанные лидеры, компетентные решать все ее проблемы: США, Европейский союз, Российская Федерация.

Дело даже не в том, что вера в саммиты и в их продукты — юридически обязывающие договоры — сама по себе наивна: не договоры создают отношения. Корень проблемы в другом. Уже много лет выдвигаемая Москвой идея трехстороннего сотрудничества ЕС-США-Россия в Евро-Атлантическом регионе требует совершенно иной политики, чем та, которую демонстрирует современная Россия. Причем не только и не столько внешней. Проблема расширения НАТО — это проблема не только построения безопасности Европы, но и построения современного государства в России. Приверженность европейскому выбору — в отличие от того, что утверждает министр Лавров, — проявляется не в идеях типа ДЕБ (в таком случае и Брежнев с Черненко были бы примерными «европейцами»), а в готовности строить «Европу» (правовое государство, социальную рыночную экономику, политическую демократию, права человека и т. п.) у себя дома. В освободившейся двадцать лет назад Центральной и Восточной Европе подтверждения этому уже есть. В России «Европа» пока явно в дефици-

те — если не считать, конечно, проведенного под конец 2008 г. якобы «европейского» удлинения сроков полномочий президента и парламента.

Один из камней преткновения в отношениях между Россией и ЕС являются страны Центральной и Восточной Европы включая Балтию. На протяжении почти двух десятилетий внимание к этому региону остается эпизодическим. Многие страны считаются безнадежными, некоторые безнадежно враждебными. Между тем после того как страны ЦВЕ вступили в НАТО и ЕС, такой подход стал наносить ощутимый ущерб отношениям России с Европейским союзом в целом. Особенно проблемным является отсутствие серьезного диалога с Польшей. Летом 2008 г., сразу после войны на Кавказе, 70% поляков ожидали вторжения российских танковых колонн в Польшу. Можно, конечно, радоваться оценке, выставленной таким образом гарантиям НАТО, но нельзя не тревожиться в связи с почти полным отсутствием доверия к России со стороны населения крупного соседнего государства. В 2009 г. грядут юбилеи: 20 лет падения Берлинской стены, 70 лет пакта Молотова-Риббентропа. Самое умное, что может сделать Россия, это открыть архивы, связанные с Катынью, аннексией балтийских государств, Второй мировой войной и послевоенным периодом. Глухая оборона на историческом направлении и операции в духе «Наших» способны принести России лишь новые потери. Надо помнить: отношения Москвы с Европой — это не только Берлин, Париж и Рим, но и Варшава, Прага и Рига. И еще: это не только отношения государств и правительств, но также бизнесов и отдельных людей.

В отношениях с США Москве продолжает мешать неизбывная одержимость «борьбой с однополярным миром», которого, как тут же выясняется, либо уже нет, либо никогда не было. Готовясь взаимодействовать с новой администрацией США, Кремль мог бы задаться вопросом: что нужно России от Америки, кроме трех известных пунктов: не мешать в СНГ, не расширять НАТО и не размещать войска и оружие рядом с российскими границами? Например, как «развернуть» российско-американские отношения, чтобы они реально помогали модернизации страны? Было бы полезно критически задуматься, действительно ли американцы настолько «не понимают по-хорошему», что с ними, «чтобы был толк, нужно только по-плохому». Жесткий тон первого ежегодного послания Дмитрия Медведева неприятно поразил американскую аудиторию, а угроза в ответ

Готовясь взаимодействовать с новой администрацией США, Кремль мог бы задаться вопросом: что нужно России от Америки, кроме трех известных пунктов: не мешать в СНГ, не расширять НАТО и не размещать войска и оружие рядом с российскими границами? Например, как «развернуть» российско-американские отношения, чтобы они реально помогали модернизации страны?

на создание в Европе третьего позиционного района ПРО США разместить в Калининграде ракеты «Искандер» является очевидной ошибкой уже с точки зрения российских интересов. Другими грубыми просчетами — с точки зрения информационного позиционирования России в мире и воздействия на американскую общественность — стали

демонстрационные перелеты российских стратегических бомбардировщиков в Венесуэлу и поход кораблей Северного флота в Карибский бассейн. Самолеты, конечно, должны летать, а корабли — ходить в море, но публичное братание с Уго Чавесом — яркий пример антирекламы, а «единственное в мире» признание Южной Осетии и Абхазии со стороны Никарагуа выглядит как конфуз.

Полезно задуматься над тем, что готова Россия принести остальному миру. За что принять на себя ответственность? Пока наиболее популярной и востребованной остается идея национальных интересов, но в ее основе очевидно лежит национальный эгоизм, а не производство общественных благ. Россиянам нужно понять, на каких направлениях они способны выполнять роль мировых или региональных лидеров.

Сдерживание России извне — политика негодная и опасная. Вмешательство Запада в российские внутренние дела — бесперспективно и бессмысленно. Вместе с тем самим россиянам должно быть совершенно ясно: подлинное равенство в XXI в. — это равенство институтов, а не мегатоннажа баллистических ракет или, скажем, размеров ВВП. Легализм не то же самое, что верховенство закона. Коррупция не может быть нормой жизни. До тех пор пока Россия не станет современным государством, ее политическая система не будет рассматриваться как совершенно легитимная и с легитимными же интересами во внешнем мире. Такова реальность, нравится она кому-то или нет. Оптимальный путь приобретения Россией высшего международного статуса — это последовательная модер-

низация страны как результат целенаправленной политики, расширяющей участие граждан в выработке решений и контроле над ними. Известно, что платой за отсутствие реформ становятся кризисы.

Чтобы расти вверх, нужно избавиться от высокомерия. «Крах либерального капитализма» не стоит в одном ряду с крахом коммунизма, а «разрушение очередного имперского порядка» (что бы под этим ни подразумевать) — с развалом СССР. На наших глазах американский народ продемонстрировал способность к регенерации своей политической системы. С избранием Барака Обамы Америка в очередной раз «переизобрела сама себя». Самое главное — не то, что выбрали чернокожего, а в том, что это был выбор обыкновенных американцев, а не элит, кланов или политических машин. Для россиян, сохранивших способность размышлять и сопоставлять, сравнение выборов 2008 г. в России и США показательное и поучительное. Вообще лучше думать не о проблемах соперников, а о том, какие уроки следуют из их и собственного богатого опыта. Например, как реализовать на практике те ценности, о которых президент Медведев говорил в ноябрьском послании Федеральному собранию и затем в новогоднем обращении к гражданам страны.

Российская заявка на ревизию мировой системы, сложившейся после окончания «холодной войны», очевидна. У Москвы есть основания претендовать на более активную роль в мировых делах, на более весомое участие в мироуправлении. Но что такое мировой порядок? Смена пресловутой однополярности олигар-

хатом пяти-шести государств, включающим Россию? Получается, все дело в рассадке за столом: надо сесть «так». В Москве любят ООН, но в основном из-за права вето в Совете Безопасности. А Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе не любят по причине отсутствия аналогичного органа. Полезно задуматься над тем, что готова Россия принести остальному миру. За что принять на себя ответственность? Пока наиболее популярной и востребованной остается идея национальных интересов, но в ее основе очевидно лежит национальный эгоизм, а не производство общественных благ. Россиянам нужно понять, на каких направлениях они способны выполнять роль мировых или региональных лидеров. У России — до признания Абхазии и Южной Осетии — был шанс, например, выступить в качестве защитника международного права. Не остыв от войны, под воздействием страхов и по соображениям целесообразности Москва этот шанс упустила. Предстоит искать новую «нишу». Пока же стоит трезвым взглядом посмотреть на перспективы такой умозрительно-экзотической конструкции, как БРИК (т. е. Бразилия, Россия, Индия и Китай), оценить потенциал и возможности Шанхайской организации сотрудничества и т. д. Пора осознать, что внешняя политика России зашла в тупик. Никогда еще в новейшей истории отношения страны с Европой, Америкой и ближайшими соседями (Украиной, Грузией, Эстонией) не были столь напряженными одновременно. Можно сколь угодно часто повторять максимум о вечных интересах и непостоянных друзьях, фразу о том, что «одиночество прекрасно», цитировать до дыр афо-

ризм про армию и флот как единственных друзей России, но надо признаться себе: речь идет об опасности изоляции страны. Вряд ли Медведев, Путин или Лавров захотели бы поставить это себе в заслугу.

Конец 2008 г. и начало 2009-го проходят в условиях расширяющегося и углубляющегося экономического кризиса. В реальной жизни «остров стабильности» может оказаться на деле уязвимее других. Российский фондовый рынок провалился глубже, чем в странах и БРИК, и Организации экономического сотрудничества и развития. Капиталы ушли, нефть падает и валит бюджет, рубль девальвируется. Можно, конечно, говорить об ответственности США, «заразивших» мир свои кризисом, но главное — как и куда выбираться из кризиса. Отдавая приоритет задаче модернизации страны, Россия должна будет идти по пути сближения с Европой, Северной Америкой, в целом с экономически и политически развитым миром. Ставя во главу угла восстановление доминирования в Евразии, Россия быстро истратит свои ресурсы в борьбе с объектами ее державных амбиций, с региональными державами и вступит в вязкое противостояние с Америкой и Европой. Такой курс наверняка приведет к кратковременной, но болезненной и разрушительной двойной изоляции страны — изнутри и снаружи — и заблокирует очередной модернизационный проект. Допустим, этого могли бы желать противники сильной России. Друзья России и сами россияне должны такой курс отвергнуть. ■

Фонд Карнеги за Международный Мир со штаб-квартирой в Вашингтоне, США, является неправительственной, неком-мерческой организацией, занимающейся независимыми исследованиями в общественно-политической области и содействующей международному сотрудничеству между странами. Московский Центр Карнеги был создан Фондом в 1993 г. с целью способствовать развитию в России и странах бывшего Советского Союза независимых общественно-политических исследований и улучшению отношений между Россией и Соединенными Штатами.

В 2007 г. было объявлено о «Новом видении» (New Vision) Фонда, который теперь позиционирует себя в качестве первой международной, а в перспективе глобальной научно-исследовательской организации. Помимо офисов в Вашингтоне и Москве созданы отделения Фонда в Пекине, Бейруте, Брюсселе. Московский Центр Карнеги с его почти пятнадцатилетним опытом проведения исследований и общественно-политических дискуссий служил образцом при разработке «Нового видения» и является моделью при преобразовании Фонда Карнеги в первую международную научно-исследовательскую организацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Лавров С. В.* Внешняя политика России и новое качество геополитической ситуации // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/itogi/BB6FDBCB9CE863B2C325752E0033D0F9.

² Там же.

³ Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» [12 сентября 2008 г.] // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/09/206408.shtml>.

⁴ *Лавров С. В.* Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

В брифинге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2009

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

Россия, 125009, Москва, Тверская ул.,16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904
Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>